

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / Поиск по сайту / Официальный сайт

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Избранные статьи, доклады /
Православное богослужение как школа богословия и
богомыслия /

 Версия
для печати

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ

Скажу несколько слов о церковном пении. Недавно мне довелось посетить Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, где я совершил всенощное бдение и Божественную Литургию в главном храме обители. Валаамское монастырское богослужение потрясло меня своей молитвенностью, слаженностью, простотой и величием. Особенно впечатляющим было монашеское пение и используемый при богослужении Валаамский распев. Невольно вспомнились слова святителя Игнатия (Брянчанинова), посетившего Валаам полтора столетия назад и также потрясенного Валаамским распевом:

Тоны этого напева величественны, протяжны... изображают стоны души кающейся, вздыхающей в стране своего изгнания о блаженной, желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого... Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, как ветер пустынный, то постепенно исчезают, как эхо среди скал и ущелий, то гремят внезапно... Величественное Господи помилуй подобно ветру пустынному: так оно плачевно, умирительно, протяжно!.. Песнь Тебе поем оканчивается протяжным, переливающимся звуком, постепенно стихающим, теряющимся незаметно под сводами храма, как теряется эхо под сводами храма. Когда же братия запоют на вечерне Господи воззвах к Тебе, услыши мя, то звуки сперва как бы исходят из глубокой пропасти, потом с быстротою и громом исторгаются из нея, несутся к небу, несут туда мысль и желание, пламенные, как молния: тогда они гремят!.. Здесь все должно быть важно, грандиозно. Все веселое, легкое, игривое показалось бы странным, уродливым.

Валаамский распев является одной из разновидностей древнерусского знаменного пения, которое, в свою очередь, впитало в себя основные характеристики византийской церковной музыки. Как известно, уже во времена Ярослава Мудрого византийское пение было принесено в Киевскую Русь: в Степенной книге (1563 г.) говорится, что именно в это время пришли на Русь из Царьграда (Константинополя) три греческих певца, которые принесли с собой "изрядное осмогласие, наипаче же и трисоставное сладкогласование и самое прекрасное демественное пение в похвалу и славу Богу". Термин "трисоставное" вызывал самые разные толкования музыковедов и богословов. Во всяком случае, речь идет не о трехголосном, а об унисонном пении. Можно предположить, что термин "трисоставное" указывает на наличие в византийском церковном пении трех измерений - музыкального, словесного и духовного, чем оно отличалось от обычного светского пения, имеющего лишь два измерения - словесное и музыкальное.

И русский знаменный распев, и византийское пение суть явления одного порядка: они принадлежат к разряду "трисоставного сладкогласования" и отличаются той духовностью, которой не хватает не только многим образцам светской музыки, но и современному партесному пению, построенному на принципах, совершенно отличных от древнего принципа распева. Ни для кого не секрет, что исполняемая во многих храмах концертная, "итальянская" по стилю музыка, хотя и написана на традиционные богослужебные тексты, по всему своему строю им не соответствует. Основная цель подобной музыки - усладить слух присутствующих, тогда как целью подлинно церковного пения является способствовать погружению верующего в молитвенное переживание тайн веры.

Структурно-музыкальные характеристики древнерусского пения также кардинальным образом отличаются от аналогичных характеристик партесного пения. Знаменные песнопения не сочинялись композиторами, а составлялись из готового набора канонических попевок, подобно тому как древние мозаики составлялись из готового набора разноцветных камней. Современному человеку не просто привыкнуть к древнему пению, так же как нелегко, отрешившись от суеты мира, сойти в глубины молитвенного созерцания. Но именно такое пение является подлинно каноническим,

максимально соответствующим духу православного богослужения. Известный церковный археолог XIX века епископ Порфирий (Успенский) писал по поводу таинственного "трисоставного" пения древней Русской Церкви: "Мы забыли эту тайну музыки. А она известна была нашим предкам. История нашей Церкви свидетельствует, что во время оно греческие певцы из Царьграда принесли в Россию ангелоподобное трисоставное пение, то есть состоявшее из трех интонаций, в соответствии с тремя способностями души. Мне кажется, что не очень трудно возобновить это пение". Возобновить его можно, вернувшись к древним, проверенным веками образцам знаменного распева, как это уже делается на Валааме и в некоторых других монастырях. Образцы древнерусского пения в настоящее время приобретают все большую известность. Подобно древнерусским иконам, некогда забытым, но в сравнительно недавнее время (в начале XX века) возрожденным к жизни, очищенным от многовековых наслоений копоти и засиявшим в своей первоизданной красоте, знаменное пение ныне восстанавливается мастерами, способными читать крюковые рукописи. Мне кажется, что без возрождения канонического церковного пения, каковым для русской богослужебной традиции является знаменный распев, немислимо возрождение православной богослужебной культуры в ее первоизданной красоте, величии и назидательности. Духовные концерты Бортнянского и Веделя, Херувимские Кастальского и Архангельского могут быть и прекрасны, и трогательны, и умирительны, но их музыка ничему не учит: она лишь создает некий фон, более или менее нейтральный по отношению к словам богослужения. В знаменном же распеве, напротив, заключена огромная назидательная сила, ибо он создан для молитвы, способствует молитве и немислим вне контекста молитвы. Даже основные формообразующие элементы знаменного распева - так называемые "попевки" - являются не чем иным как музыкальным отображением молитвенных движений. Каждая попевка, кроме того, имеет свое богословское обоснование. Если древнерусская икона - богословие в красках, то древнее пение - богословие в музыке. И если партесное пение, как и "академическая" живопись на религиозные темы, в лучшем случае является школой благочестия, то одноголосное знаменное пение является также и школой молитвы и школой богословия.